

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА

Научная статья

УДК 340.12:17.02

DOI: 10.46724/NOOS.2026.3.35-43

Е. Ю. Черепнина

ЭТИЧЕСКОЕ НАЧАЛО В ПРАВЕ: ПУТЬ ПОСТРОЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО ИДЕАЛА В ТВОРЧЕСТВЕ П. И. НОВГОРОДЦЕВА

Аннотация. В работе исследуется философско-правовая концепция общественного идеала в творчестве выдающегося русского правоведа П. И. Новгородцева. Автор обращается к неокантианской мысли Новгородцева, делая акцент на принципе нравственного долженствования как исходной точке его теоретических построений. Показано, что право, по Новгородцеву, не сводится к механизму принуждения, а выступает формальным условием, обеспечивающим возможность нравственного развития личности. Особое внимание уделяется соотношению права и морали: если мораль задает абсолютный ориентир, то право очерчивает ту минимальную границу, за которой начинается свободное, бесконечное движение к идеалу. Критический анализ марксистской доктрины позволяет Новгородцеву сделать вывод об ее утопичности ввиду отрицания автономии личности и подмены этического долженствования исторической необходимостью. Делается вывод о том, что общественный идеал, по мнению П. И. Новгородцева обретает устойчивость лишь при условии баланса между формальной определенностью права и нравственной ответственностью личности, что составляет альтернативу как позитивистскому нормативизму, так и революционному утопизму.

Ключевые слова: общественный идеал, нравственное долженствование, право, мораль, автономия личности, неокантианство.

Ссылка для цитирования: Черепнина Е. Ю. Этическое начало в праве: путь построения общественного идеала в творчестве П. И. Новгородцева // Ноосферные исследования. 2026. Вып. 3. С. 35—43.

Original article

Е. Yu. Cherepnina

ETHICAL PRINCIPLE IN LAW: BUILDING A SOCIAL IDEAL IN THE WORKS OF P. I. NOVGORODTSEV

Abstract. This study examines the philosophical-legal concept of the social ideal in the work of the prominent Russian legal scholar P. I. Novgorodtsev. The author focuses on Novgorodtsev's Neo-Kantian thought, emphasizing the principle of moral obligation as the starting point of his theoretical constructs. It is demonstrated that, for Novgorodtsev, law is not merely a mechanism of coercion but serves as a formal condition enabling the individual's moral development. Particular attention is paid to the relationship between law and morality: while mo-

© Черепнина Е. Ю., 2026

Ноосферные исследования. 2026. Вып. 3. С. 35—43 •

ality establishes an absolute benchmark, law defines the minimum boundary beyond which the free, infinite movement toward the ideal begins. A critical analysis of Marxist doctrine leads Novgorodtsev to conclude that it is utopian, given its denial of individual autonomy and its substitution of historical necessity for ethical obligation. The study concludes that, in Novgorodtsev's view, the social ideal achieves stability only through a balance between the formal definiteness of law and the individual's moral responsibility — a balance that offers an alternative to both positivist normativism and revolutionary utopianism.

Keywords: social ideal, moral imperative, law, morality, personal autonomy, Neo-Kantianism.

Citation Link: Cherepnina E. Yu. (2026) Ethical principle in law: building a social ideal in the works of P. I. Novgorodtsev, *Noospheric Studies*, no. 3, pp. 35—43.

«Первый представитель и поборник критического идеализма» — так пишет о Павле Ивановиче Новгородцеве Г. Д. Гурвич в статье «Два величайших русских философа права: Борис Чичерин и Владимир Соловьев» [Gurwitsch, 1922—1923]. По прошествии многих лет И. А. Ильин вспоминал: «Мы, начинающие студенты, слушали его по-особенному, многого не понимая, напряженно ловя каждое слово, напряженно внимая: он говорил о главном; не о фактах и не о средствах, отвлеченно, но о живом; он говорил о целях жизни и, прежде всего, о праве ученого исследовать и обосновывать эти цели. Вокруг него, его трудов, докладов и лекций шла полемика, идейная борьба, проникавшая даже в газеты; с ним соглашались, ему возражали; раздраженно выступали “материалисты”, энергично смыкали свои ряды “философы”. Слагалось идейное бродило, закладывались основы духовного понимания жизни, общественности и политики. Его семинарий был многолюдный, оживленный, со страстными встречами марксистов, народников, идеалистов и с атмосферой общего доверия к истинному, уравновешенному, внутренне горящему и внешне сдержанному руководителю. Я помню ту бурю приветствия, которою мы встретили его, вернувшегося из Петербурга после защиты докторской диссертации, его взволнованное, побледневшее лицо, его дрогнувший в словах благодарности голос...» [Ильин, 1923/1924: 370—371].

Новгородцев является одним из самых выдающихся правоведов прошлого столетия, о чем свидетельствуют не только приведенные выше комментарии его учеников и соратников, но в целом его творчество, целью которого было создание философии права как дисциплины, синтезирующей общую теорию права, и этико-религиозные теории, отрицающие или принижающие значение права.

Новгородцев стремился в своем творчестве уместить не только важнейшие политико-правовые, но и житейские вопросы. Его масштаб личности, глубину мысли и скрупулезный подход трудно переоценить. Именно потому его соратники и ученики так тепло о нем отзывались, говоря, что его критический и глубокий взгляд на мир «возводил каждый житейский вопрос до высоты нравственно-философской проблемы и, обратно, развертывал метафизические идеи в систему практических постулатов и прикладных знаний» [Флоровский, 1929; Флоровский, 1979: 52].

Творческая деятельность Новгородцева начиналась в эпоху господства позитивизма. Это было время, когда, «лучше было быть заподозренным в мелком воровстве, чем в недостатке историзма» [Флоровский, 1979: 52]. Новгородцев это верно прочувствовал: историзм как «отвлеченное» мировоззрение неизбежно приводит к нравственному безразличию и бездействию. Как отмечает Е. А. Фролова, если жизнь определяется только игрой естественных органических сил, она тем самым освобождается от нравственного надзора и суда. Нравственные оценки теряют практический смысл, и остается только смириться перед силой грубого факта [Фролова, 2023].

Все его работы имеют не только теоретический, но и практический характер, и можно определить их как крайне успешные попытки по оценке настоящего, которые полезны не только теоретикам, но и выступают в роли практического пособия для политических деятелей, в чем мы с вами убедимся, рассматривая более подробно его учение о нравственном должновании и общественном идеале. Это определяется тем, что помимо статуса профессора Русского юридического факультета, будучи видным ученым-правоведом, Павел Иванович также занимал и серьезный пост на государственной службе. Новгородцев был членом Первой Государственной Думы, где выступал инициатором по разработке демократических законопроектов, рассмотрения жалоб от населения.

Творчество Павла Ивановича Новгородцева остается актуальным не только для его современников, но и в наши дни, так как те вопросы, которые он рассматривал, в частности вопросы о функции государства, постоянно видоизменяются, и проблема соотношения личности и государства никуда не исчезает, скорее наоборот, с каждым годом становится все актуальнее, побуждая ученых-юристов и юристов-практиков к обсуждению основ правового государства, осуществления и защиты права на достойное человеческое существование и т. д.

Преследуя обозначенную ранее цель — создать такую философию права, которая выступала бы как некая синергия общей теории права и этико-религиозных доктрин, П. И. Новгородцев определил своим главным интересом исследование вопроса о самостоятельном значении нравственного начала в праве, поскольку именно такой к подход политико-правовым доктринам позволит разорвать связь с традициями исключительного историзма и социологизма и перейти к системе нравственного идеализма, сторонником которого он являлся.

На рубеже XIX—XX веков развивалось новое общественное, научное, философское течение — идеализм, представителями которого в России были, прежде всего, известные мыслители, философы права Б. Н. Чичерин и В. С. Соловьев. В этом течении мысли различаются два направления — метафизический, мистический идеализм и научно-философский идеализм. Последний основывается на признании самостоятельности этической проблемы, «то есть самостоятельности требований справедливости, самостоятельности этического должнования и социального идеала» [Кистяковский, 1998: 117] и активно отстаивался Новгородцевым, который стремился в своем учении связать категорию должнования с условиями социального бытия, но не с позиции общественного/коллективного (за что он критиковал труды Иеринга, который писал о морали с позиции общезначимости), а выдвигая на первый план именно личностное. Поскольку, отвечая на вопрос, что первичнее, Новгородцев бесспорно отдавал лидирующую роль личности. Как писал Б. А. Кистяковский, то, что мы

вносим, то, что мы предлагаем, — это вечные основы морального сознания и прежде всего — принцип личности и ее безусловного значения.

Личность оказывается для Новгородцева онтологическим центром, пучком световых лучей, с помощью которых только и можно высветить проблемы бытия и познания. При этом же выдвигаемые им требования морали, хоть и являются путеводной звездой в бесконечном процессе развития и приближения к идеалу, все же они никогда не могут быть полностью осуществлены в реальном мире.

Если внимательно проанализировать все работы Новгородцева, то можно отметить, что как по содержанию учения, так и по способу восприятия материала он предстает явным идеалистом, однако с важной оговоркой, не в догматическом понимании этого термина, а в том же духе, что были, например, просветители Франции XVIII века — О. Конт («идеи правят миром»), Э. Дюркгейм и Л. Дьюги (воспитание чувства обязанности в целях солидарности). Его «философия права» ориентирована на общественное сознание и развитие гражданского общества как неотъемлемого элемента в государственной системе, но при условии создания, сохранения, развития общественно-политических объективных условий бытия и проявления личности.

Новгородцев как основоположник в России школы возрожденного естественного права рассматривал вопросы соотношения науки и этики, права и морали, критикуя существовавшие на тот момент иные школы права на подобие психологической или позитивистской за их, с одной стороны, однобокость и узкий взгляд на фундаментальные вопросы, позволяющие прийти к выводу о наилучшем устройении как государства, так и общества, с другой стороны, за то, что под маской «строгой научности» они маскировали свое религиозное верование в достижение земного рая (что в корне неправильно, по мнению Новгородцева, в чем мы удостоверимся позже).

Особое внимание Новгородцев уделяет претензии марксизма на строгую научность. Маркс и Энгельс утверждали, что их социализм вытекает не из идей, а из объективных законов истории. Новгородцев показывает, что это смешение этики и науки является ахиллесовой пятой марксизма. Марксистская теория исторического развития, по мнению Новгородцева, есть не что иное, как замаскированная теория прогресса, проникнутая рационалистическим оптимизмом и верой в добрый конец истории [Новгородцев, 1991: 240—250]. Представление о том, что производительные силы с «железной необходимостью» ведут к социализму, а человеческая воля есть лишь «сознанная необходимость», не выдерживает критики.

Новгородцев же, рассматривая вопрос соотношения науки и этики, приходит к выводу, что это две самостоятельные и различные области, но при этом в их различии не исключается их взаимодействие, заключающееся в преследовании одной цели — область общественного и область поиска идеалов, что легло в основу его известного труда «Об общественном идеале». По мнению Новгородцева, наука и этика приходят на помощь друг другу, что можно вывести из тезиса о том, что область этики восполняет область опыта, равно как и принцип этического индивидуализма (в области должного) восполняется понятием общественного развития (в области сущего). Следовательно, продвигая свои теории, как подчеркивал Павел Иванович, нельзя исключать этический элемент, который так или иначе присущ всем политико-правовым явлениям.

Стремясь четко разграничить науку и этику, Новгородцев создает естественно-правовую теорию, для которой характерным является особое внимание к личности и ее правам. Согласно его взглядам, право, с одной стороны, представляется как идея (область нравственных постулатов), с другой стороны, как область конкретных прав и обязанностей гражданина и государства (позитивизм и полемика с Петражицким). Это различие содержания права приводит к представлению о естественном, вышестоящем, надклассовом характере права как регулятивном постулате и призвано преодолеть дуализм классической школы естественного права, противопоставлявшей естественное право праву положительному.

Стоит отметить, что Новгородцев в своих трудах никогда не смешивал эти понятия и не рассматривал их как «часть и целое». Подобно соотношению науки и этики, русский правовед сравнивал право и мораль как две самостоятельные и взаимодополняющие/взаимовлияющие компоненты, находящие практическое выражение, в первую очередь, в правосознании отдельных индивидов, в их духовной сущности.

Далее Новгородцев говорит о некотором сходстве нравственного и правового законов, которые с позиции идеализма направлены на создание твердой почвы для регулирования общественных отношений, чего требовала эпоха, поскольку мы знаем, что классическое естественное право, устремленное лишь в сферу должного и определяемое как совокупность идеальных норм, присущих человеческому сознанию, абсолютная, вечная и неизменная, постепенно утратила былую легитимность, и на смену ей пришло возрожденное естественное право с изменяющимся содержанием, которое подчеркивает временный и изменчивый характер как сознания человека, так и правопорядка, установленного положительным правом. В отличие от классического этапа, возрожденное естественное право уже не стремится создать некую систему норм, к которым бы должно было приблизиться положительное право, а пытается на основе законов долженствования отыскать абсолютные начала, применимые при решении насущных проблем и задач, продиктованные праву условиями времени и страны.

К абсолютным началам Новгородцев относил идею единства и солидарности, которую он воспринял из работ Огюста Конта и Леона Дюги. Это не есть закон, принудительно господствующий над личностью, а только известное «стремление», «тенденция», это есть принцип всеобщего объединения на началах равенства и свободы [Новгородцев, 1902: 273]. «Безусловный принцип личности, — пишет П. И. Новгородцев, — с необходимостью приводит к идее солидарности» [Новгородцев, 1991: 111]. При этом, как мы уже несколько раз убедились ранее, общество для русского правоведа не является самостоятельной субстанцией и уж тем более высшей целью личности, и потому может быть определено как живое единство, в котором личность выходит за пределы субъективного и благодаря этому приобретает особую ценность [там же: 103]. Крайне интересной в контексте его учения о личности, демократии и правовом государстве является идея солидарности, которая основана на базе общего нравственного стремления и органической связи уникальных индивидуальностей в свете нравственного закона, где общее нравственное стремление определяется не количеством лиц, входящим в этот общественный союз, а их качеством. Кроме того, Новгородцев критиковал сторонников тех учений, которые меняли местами общество и личность, делая «коллективное» первостепеннее «индивидуального». Так, например, он пишет,

что «те, кто, в противоположность этому, придает первенствующее значение принципу общественному и из него выводит все задачи личности, нет иного выхода как признать за обществом черты самостоятельной нравственной субстанции или же, по крайней мере, приписать обществу первичный и безусловный характер, независимый от отдельных лиц и господствующий над ними с силой высшей нормы» [там же: 105]. Однако такой вывод на почве позитивистской теории и первостепенном значении «коллективного» абсолютно незаконный, поскольку, во-первых, из факта солидарности вытекают этические ценности и представления об идеале и долге, во-вторых, «...это значит подчинять ему личность в качестве орудия или средства и создавать фикцию общественного организма, имеющего самостоятельное нравственное бытие» [там же].

Более подробную критику подавления личности Новгородцев высказывает в адрес социализма, в частности, в адрес учения Маркса, говоря, что абсолютный коллективизм требует от личности полного слияния с обществом, что неизбежно ведет к подавлению ее индивидуальности, свободы самоопределения и творчества. Здесь Новгородцев ставит вопрос так: «Какое общество, хотя бы и самое совершенное, заменит человеку величайшее духовное благо — быть самим собою?» [там же: 150].

Отвергая трансцендентное начало, абсолютный коллективизм пытается ответить на религиозную потребность человека в восполнении его ограниченности, но оказывается неспособен это сделать. Общество, состоящее из таких же ограниченных существ, не может обладать безусловной силой. Это логическое противоречие делает систему шаткой и уязвимой. Таким образом, приходим к выводу, что Новгородцев видел невозможность достижения полного равновесия личного и общественного, посему само правовое государство есть не что иное, как «корпоративное единство всего народа» [Новгородцев, 1904: 543], а его задачей является по возможности максимально сократить дистанцию между общественными и частными интересами в лице созидательного единства во имя подлинных интересов человека, общества, государства.

Сократить такую дистанцию, по мнению Новгородцева, можно, только придерживаясь двух основных принципов, составляющих основу жизни личности и гражданского общества, — принципа свободы и принципа равенства. Тут стоит сделать важную оговорку, чтобы правильно истолковать позицию Новгородцева следует придерживаться принципа формального равенства в виде равных предоставленных возможностей, а не равенства фактического.

Раскрывая понятия «равенство» и «свобода», Новгородцев использует для этого учения Канта и Гегеля, которые он активно исследовал в период подготовки докторской диссертации. Трактую учение Канта, Новгородцев говорит о том, что для него свобода и равенство есть две стороны одной медали: свобода являлась основанием, равенство — необходимым условием закономерности воли. «Кант определял свободу как независимость от чужой воли, поскольку она совместима со свободой каждого другого; равенство же он понимал как право не обязываться относительно других к большему сравнительно с тем, к чему их можно обязать взаимно» [Новгородцев, 1996: 67]. Следовательно, Новгородцев как бы продолжает мысль Канта и говорит, что в соответствии с предыдущим положением естественно предположить, что единственное приращенное право есть свобода, а все остальное вытекает из него.

Однако, исследуя учения не только Канта, но и Гегеля, Новгородцев также говорит и о том, что свобода состоит не только в одной бесконечной возможности выбора и в отсутствии ограничения, но и в свободном выборе какого-либо определенного решения, которое вместе с тем есть и ограничение воли, прекращающее дальнейшее ее проявление, но ограничение, вытекающее из ее свободного выбора. Таким образом, завершает Новгородцев мысль Гегеля о том, что существу свободной воли нисколько не противоречит ее самоограничение. «Свобода истинная и положительная всегда носит в самой себе свою границу, свой разумный предел, который превращает ее в право. И, напротив, свобода, не знающая такого предела, утрачивает свой правовой смысл...» [Новгородцев, 1917: 24—25].

Следовательно, этический компонент в правовых началах Новгородцев просматривает через субъективную этику Канта и объективную этику Гегеля, которые возможно соединить лишь после тщательной критической доработки, поскольку каждая из этих доктрин не лишена своих несовершенств [Бажов, 2014: 159]. Ограничение свободы и связь с правовыми началами также можно вывести из идеи самозаконности и нравственного долженствования, причем последнее служит лишь оценкой действительности, так как сама по себе нравственность есть лишь идеал, далекий от реального опыта.

Подводя итог, отметим, что нравственные начала яркой нитью прослеживаются во всех работах русского правоведа и сплетают воедино все политико-правовые вопросы, выставляя на первый план личность как онтологический центр, позволяя сформировать теорию возрожденного естественного права.

Данной работой хотелось показать неоценимый вклад Павла Ивановича не только в русскую философию права, но и в целом в философию права, поскольку он смог детально разобрать такие важнейшие категории, как личность, право и мораль, государство, демократия и многие другие, которые в силу установленного регламента не могут быть рассмотрены и будут положены в основу следующей научно-исследовательской работы.

Новгородцев одновременно со Штаммлером и независимо от него, где-то разделяя его взгляды, где-то критикуя их, начал внедрять критическую философию права. Его работы «Историческая школа юристов, ее происхождение и судьба» (1896) и «Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве» (1901), как и статья «Нравственный идеализм в философии права» (1902) свидетельствовали о начале нового этапа критицизма в России. В своих наиболее оригинальных трудах — «Кризис современного правосознания» (1909) и «Об общественном идеале» (1917; 1921 (3-е издание), Берлин) — Новгородцев, исходя из того, что социальное бесконечно, дает интересную критику утопического «финитизма» в либеральной, социалистической и синдикалистской идеологии и развивает особую солидаристскую идеологию, базирующуюся на прочном философском фундаменте. Причем критика строится не просто на пересказе учений и их негативной оценке, а основана на почве науки, исходя из объективного анализа и обращения к фактам, что также демонстрирует его профессионализм не только как философа права, но и как историка политических и правовых учений, для которого крайне важно не отрицать существующие иные теории, а анализировать их и показывать несовершенства, чтобы подготовить базу для новых доктрин, отвечающих требованиям современности, с чем великолепно справился Новгородцев, критикуя социализм и анархизм.

В последние годы жизни он, как и многие другие русские философы, вступил на путь религиозной философии, при этом не отрекаясь от политико-правовых проблем и не уходя исключительно в мистицизм и идеализм. В одной из своих работ П. И. Новгородцев писал, что «свобода в государстве утверждается на почве законного порядка, охраняемого властью. Дело не в том, чтобы власть была устроена непременно на каких-то самых передовых началах, а в том, чтобы эта власть взирала на свою задачу как на дело Божие и чтобы народ принимал ее как благословенную Богом на подвиг государственного служения. Необходимо, чтобы замолкли инстинкты революционных домогательств и проснулся дух жертвенной готовности служить общему и целому» [Новгородцев, 1991: 580]. Это делало его теорию особенно привлекательной для сторонников иных правовых направлений, в том числе евразийцев, и еще раз доказывает, что она заслуживает пристального внимания и глубокого изучения, так как в ней кроются актуальнейшие во все времена проблемы отношений личность — государство.

Библиографический список / References

- Бажов С. И. Этическая проблематика в философском творчестве П. И. Новгородцева // История философии. 2014. № 18. С. 149—165.
(Bazhov S. I. Ethical issues in the philosophical work of P. I. Novgorodtsev, *History of Philosophy*, 2014, no. 18, pp. 149—165. — In Russ.)
- Ильин И. А. Памяти П. И. Новгородцева // Русская мысль. Прага, 1923/1924. Кн. IX—XII. С. 370—371.
(Ilyin I. A. In memory of P. I. Novgorodtsev, *Russian Thought = Russkaya mysl'*, Prague, 1923/1924, books IX—XII, pp. 370—371. — In Russ.)
- Кистяковский Б. А. Социальные науки и право: очерк по методологии социальных наук и общей теории права // Философия и социология права / сост. Ю. Н. Давыдов и В. В. Сапов. СПб.: РХГИ, 1998. 798 с.
(Kistyakovsky B. A. Social sciences and law: an essay on the methodology of the social sciences and the general theory of law, in Davydov Yu. N., Sapov V. V. (eds.) *Philosophy and Sociology of Law*, St. Petersburg, 1998, 798 p. — In Russ.)
- Новгородцев П. И. Нравственный идеализм в философии права // Проблемы идеализма: сборник статей. М.: Московское психологическое общество, 1902. С. 236—296.
(Novgorodtsev P. I. Moral idealism in the philosophy of law, in *Problems of Idealism: a collection of articles*, Moscow, 1902, pp. 236—296. — In Russ.)
- Новгородцев П. И. Государство и право // Вопросы философии и психологии. 1904. Кн. V. С. 507—538.
(Novgorodtsev P. I. State and law, *Questions of Philosophy and Psychology = Voprosy filosofii i psikhologii*, 1904, book V, pp. 507—538. — In Russ.)
- Новгородцев П. И. Правовые устои новой жизни // Русская свобода. 1917. № 14—15. С. 24—25.
(Novgorodtsev P. I. Legal foundations of the new life, *Russian Freedom = Russkaya svoboda*, 1917, no. 14—15, pp. 24—25. — In Russ.)
- Новгородцев П. И. Об общественном идеале. М.: Пресса, 1991. 640 с.
(Novgorodtsev P. I. *On the Social Ideal*, Moscow, 1991, 640 p. — In Russ.)

Новгородцев П. И. Введение в философию права. Кризис современного правосознания. М.: Наука, 1996. 269 с.

(Novgorodtsev P. I. *Introduction to the philosophy of law. The crisis of modern legal consciousness*, Moscow, 1996, 269 p. — In Russ.)

Флоровский Г. В. Памяти П. И. Новгородцева // Россия и славянство. 1929. 27 апреля (№ 22).

(Florovsky G. V. In memory of P. I. Novgorodtsev, *Russia and Slavdom = Rossiya i slavyanstvo*, 1929, april 27 (no. 22). — In Russ.)

Флоровский Г. В. Письмо к Ю. Иваску от 24 февраля 1972 года // Вестник Русского христианского движения. 1979. № 130. С. 52.

(Florovsky G. V. Letter to Yu. Ivask dated February 24, 1972, *Bulletin of the Russian Christian Movement*, 1979, no. 130, p. 52. — In Russ.)

Фролова Е. А. Моральная философия права П. И. Новгородцева. М.: Проспект, 2023. 160 с.

(Frolova E. A. *The Moral Philosophy of Law of P. I. Novgorodtsev*, Moscow, 2023, 160 p. — In Russ.)

Gurwitsch G. Die Zwei Grössten Russischen Rechtsphilosophen: Boris Tchitcherin und Wladimir Solowiew, *Philosophie und Recht*, 1922—1923, Bd. 2, Heft 2, S. 80—102.

Статья поступила в редакцию 07.04.2026; одобрена после рецензирования 30.06.2026; принята к публикации 28.08.2026.

The article was submitted 07.04.2026; approved after reviewing 30.06.2026; accepted for publication 28.08.2026.

Информация об авторе / Information about the author*

Черепнина Елизавета Юрьевна — студентка 1 курса магистратуры юридического факультета, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия, liza.cherepnina.03@bk.ru

Cherepnina Elizaveta Yurievna — 1st year master's student, Faculty of Law, Moscow State University, Moscow, Russia, liza.cherepnina.03@bk.ru

* Научный руководитель — заведующий кафедрой теории государства и права юридического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова Фролова Елизавета Александровна.